

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 002.5(09)(47)
DOI 10.17223/19988613/38/1

Н.Н. Родигина, К.Н. Митрофанова

«И ВДРУГ ОНА ПРИБЛИЗИЛАСЬ К НАМ...»: ОБРАЗ СИБИРИ В ДЕТСКИХ ЖУРНАЛАХ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.

*Работа выполнена при финансовой поддержке некоммерческой организации
«Благотворительный фонд культурных инициатив (Фонд Михаила Прохорова)», договор № АМ – 34/15 от 10.04.2015.*

Раскрыты ключевые репрезентации Сибири в детских иллюстрированных журналах конца XIX – начала XX в. В качестве источников привлечены еженедельный журнал «Задуманное слово» М.О. Вольфа и ежемесячный «Родник» Н.А. Альмедингена. На основании фронтального просмотра годовых комплектов журналов выявлены основные сюжеты, при помощи которых формировались первоначальные представления юных читателей о регионе, показаны причины обращения к теме Сибири в названных периодических изданиях, раскрыто общее и особенное в образе региона, конструировавшемся детскими журналами.

Ключевые слова: репрезентации Сибири; детские периодические издания; история журналистики.

Два обстоятельства предопределили наш выбор темы статьи. Во-первых, усилившийся историографический и общественно-политический интерес к роли детской литературы в формировании мировоззрения и социальных идентичностей юных читателей, о чем свидетельствуют как междисциплинарные научные конференции последних десятилетий [1, 2 и др.], так и активные дебаты в периодической печати о функциях и содержании школьных учебников. Во-вторых, стремление понять, существовали ли отличия в образе Сибири, конструировавшемся периодическими изданиями для детей и для взрослых, и если да, то от чего зависела «версия региона» для детей.

Итак, задача статьи – на основе сравнения публикаций о Сибири журналов «Задуманное слово» и «Родник» выявить образ Сибири в детской периодике конца XIX – начала XX в. Вне сферы нашего анализа остались письма детей в названные издания, так как их источниковому ресурсу уже посвящено специальное исследование [3]. Критерием выбора журналов стала их популярность, подтверждаемая как относительно высокими тиражами, так и благодарственными письмами юных читателей в редакции, а также достаточно длительный период существования, подаривший надежду раскрыть эволюцию представлений о регионе. Для нас важна была и разная периодичность выхода журналов: «Задуманное слово» выходил еженедельно, а «Родник» – ежемесячно, что дало возможность выяснить влияние типологических характеристик изданий, определяющихся в том числе и периодичностью, на содержание репрезентаций изучаемого нами региона.

Для того чтобы был понятен контекст актуализации образа Сибири, остановимся на краткой характеристике привлеченных нами периодических изданий.

«Задуманное слово» было основано в 1876 г. М.О. Вольфом по образцу зарубежных детских журналов.

Первоначально издание имело четыре отдела. Первый предназначался для детей от 5 до 8 лет. Второй был рассчитан на детей от 8 до 12 лет. Третий адресовался юношеству, четвертый – взрослым читателям и назывался «Семейное чтение для взрослых». С 1879 по 1918 г. издание выходило еженедельно в составе двух отделов – для детей младшего (от 5 до 9 лет) и старшего (от 9 до 14 лет) возраста. В данной статье мы использовали материалы второго отдела. Журнал ставил перед собой следующие задачи: вызвать в своих читателях осмысленное отношение к окружающей их жизни, развить в них эстетический вкус и любознательность, направить живые способности ребенка на верный путь доброй нравственности и полезного труда, наглядными примерами из истории и жизни замечательных людей подготовить детей и юношей к полезной деятельности и разумной семейной жизни, а научно-популярными сведениями расширить их умственный кругозор [4. С. 3–4]. Реализуя данные задачи, редакция журнала публиковала, учитывая возрастные особенности своих читателей, беллетристические и поэтические произведения, научно-популярные очерки, путевые записки, иллюстрации, а также многочисленные анкеты для детей и их родителей, описание игр, шарады и пр. В круг авторов «Задуманного слова» входили известные педагоги и детские писатели: С.М. Макарова, Л.А. Чарская, К.А. Лукашевич, Т.Л. Щепкина-Куперник, А.Н. Толстой, С.Ф. Либрович и др.

Иллюстрированный ежемесячный журнал «Родник» имел схожий замысел и структуру, но предназначался только для детей старшего возраста. Он издавался в Петербурге Н.А. Альмедингеном и его семьей ежемесячно с 1882 по 1917 г. Похожей была и география распространения журналов. Они имели подписчиков не только в России (в том числе и в Сибири), но и за рубежом. К примеру, в разделе «Клуб общения Родника», являвшемся аналогом «Почтового ящика» в «Задуманном

ном слове», публиковались письма от подписчиков из Китая, Франции. Как и в «Задушевном слове», в «Роднике» помещались стихотворения, небольшие повести и рассказы, популярные статьи по истории, этнографии и естествознанию, очерки народной жизни. В «Роднике» публиковались К.С. Баранцевич, В.И. Немирович-Данченко, К.Д. Носилов, Я.П. Полонский и др. Одним из своих главных преимуществ редакция «Родника» считала тот факт, что авторы научно-популярных статей, в том числе на исторические и этнографические темы, были специалистами в своей области.

Как уже было упомянуто, журналы ставили перед собой схожие задачи. Так, «Родник» провозглашал: «...доставлять детям занимательное и полезное чтение, дать своим маленьким читателям самые разнообразные сведения о родном крае в форме описаний природы его от арктических стран до роскошной природы юга, в исторических рассказах и очерках о быте разных племен и народов, населяющих Россию» [5. С. 3–4]. Исходя из замысла изданий, очевидно, что обращение к различным сюжетам сибирской жизни способствовало решению как воспитательных, так и образовательных задач: воспитание любви к родине и уважительного отношения к народам, проживавшим на ее территории, расширение кругозора, формирование исторических, географических, этнографических представлений читателей.

Создание «Родника» совпало по времени с пиком популярности «сибирской темы» в общественном мнении Российской империи, связанным с началом строительства Сибирской железной дороги, организацией массовых крестьянских переселений, изменением правительственной политики в отношении региона, известными «литературными», научными экспедициями в восточные губернии. Все это способствовало активному включению (встраиванию) Сибири в коммуникативное пространство русского государства, ментальному освоению восточных губерний, превращающихся из далекой и малоизвестной жителям европейской части страны, окраины, своеобразной *terra incognita* в одну из многих областей «нашего отечества».

Данный процесс, подробно ранее охарактеризованный нами на примере журнальной прессы для взрослых читателей второй половины XIX – начала XX в. [6], наглядно отражался и в детских журналах, которые, собственно, и конструировали, наряду со школьными учебниками, картами, детской художественной литературой, представления о «нашей Сибири» у юных читателей. Так, в серии очерков В. Сорокина «Наше житье», которые давали читателям возможность составить представление о территориальном и административном устройстве страны, впервые на страницах «Родника» упоминаются Сибирь и ее города. Объясняя, что такое губернский город и в чем его отличия от других населенных пунктов, автор в качестве примера типичного центра губернии приводит Красноярск [7. С. 179]. При этом он подчеркивает, что губернский город ошибочно представлять себе как захолустье, где люди живут од-

нообразно и скучно, без необходимых удобств и развлечений. Кроме этого, в перечне сравнительно молодых губернских городов, возникших по торговым или политическим соображениям, упоминается Тобольск.

В заглавие данной статьи вынесены слова из путевых очерков А.В. Осипова «В Сибирь», опубликованных в этом же журнале. На наш взгляд, они наиболее точно отражают эволюцию представлений образованных русских конца XIX – начала XX в. о Сибири, транслировавшихся благодаря периодике детской аудитории. Для того чтобы был понятен контекст употребления понравившейся нам фразы, приведем всю цитату: «О ней мало писали, мало говорили, и вдруг, точно по мановению волшебного жезла, она приблизилась к нам, и через пять-шесть дней уже можно гулять по пустынным улицам Красноярска, совершенно позабыв о том, что от Москвы вас отделяют четыре с половиной тысячи верст» [8. С. 75].

Из приведенного текста очевидны, как минимум, два момента, раскрывающие представления редакций детских журналов о регионе: 1) характерное и для авторов «взрослых» журналов мнение о том, что до недавнего времени Сибирь была неизвестна широкой читательской публике; 2) признание роли Транссибирской железной дороги в формировании массового интереса к восточным губерниям.

Отметим, что путевые заметки, наряду с историческими и этнографическими очерками, были одним из основных способов «знакомства» старших школьников – читателей «Родника» – с Сибирью и другими окраинами Российской империи. При этом показательно, что практически во всех текстах рассматриваемого журнала Сибирь понималась не как обособленная Уральскими горами от Европейской России территория с дикой природой и экзотическими народами (что было характерно для отечественной литературы и журналистики вплоть до 1880-х гг.), а как часть единого с «внутренней» Россией экономического, политического и культурного пространства. Возвращаясь к уже упомянутым путевым наброскам А.В. Осипова, считаем важным обратить внимание на идею автора о том, что путешествие в Сибирь не только интересно и полезно «для знакомства со своей родиной», но и доступно для юных читателей благодаря постройке знаменитой железной дороги. Более того, оно престижно и модно для жителей столиц и центральной России. «У всех, остающихся здесь, в Москве, в душе невольно шевелится зависть к тем, кому судьба дает познакомиться с далекой и неизвестной Сибирью», – утверждал Осипов [Там же].

Предпринятый нами анализ публикаций журнала «Родник» не позволил выявить эволюцию представлений его редакции о Сибири. С первых лет издания и до 1900 г. на страницах журнала появлялись отдельные статьи и заметки о Сибири как об одной из многих окраин «нашего отечества» наряду с Кавказом и Средней Азией. К примеру, в статье о похоронах И.С. Тургенева Сибирь называется «дальней окраиной русского

государства» [9. С. 381]. Однако это не отрицало факта признания самобытного прошлого региона, а также репрезентаций его как места ссылки преступников – не только тех, кто действительно совершил преступление, но и несправедливо обвиненных. В тех публикациях, где на первый план выдвигаются наиболее актуальные социальные проблемы (голод, сиротство и т.д.), Сибирь объявлялась тем местом, где объединялись все те, от кого по каким-то причинам отказалось общество. «Спросите в деревне, кто в ней преступник, кто в ней пользуется недоброй славой, – это дети умерших отцов и матерей. И от них откажется общество, их будут преследовать, и их сошлют в Сибирь, даже не подумавши о том, что сделало их несчастными поневоле...», – резюмировал популярный писатель, путешественник и этнограф К.Д. Носилов [10. С. 419].

Новый виток внимания журнала к региону был связан с событиями Русско-японской войны. Однако интерес к Сибири ограничивался информационными сообщениями о передвижении войск к местам боевых действий. После 1904–1905 гг. издание практически не помещает статей и сообщений о Сибирском крае, ограничиваясь лишь публикацией писем сибиряков в рубрике «Клуб общения “Родника”», лишенных, впрочем, какой-либо региональной специфики. Можно предположить, что после 1905 г., по мнению редакции журнала, Сибирь уже стала хорошо известна его читателям, она уже была в символическом смысле «открыта» и включена в ментальную карту маленьких россиян и не нуждалась в специальном внимании редакции.

Более сложным в плане структурной организации был образ Сибири в еженедельнике «Задуманное слово».

Первая заметка в «Задуманном слове», имеющая отношение к Сибири, была опубликована в 1877 г. и посвящена описанию сибирского соболя [11. С. 318–320]. Однако стабильное внимание к региону журнал начал проявлять со второй половины 1880-х гг., несколько позже, чем «Родник» и массовые еженедельные иллюстрированные журналы, ориентированные на взрослую аудиторию. Увлечение Сибирью проявилось в этом журнале в виде небольших по объему, как правило, иллюстрированных заметок, посвященных следующим темам: истории, этнографии, географии региона, культурной жизни зауральских городов, известным сибирякам, в том числе и детям; исследовательским экспедициям; участием сибиряков в войнах начала XX в.

В отличие от «Родника», авторы «Задуманного слова» постоянно подчеркивали самобытность природы и географии региона, антропологические, этнопсихологические особенности его аборигенного населения, специфику его материальной и духовной культуры и, в конечном итоге, особое место Сибири в составе Российской империи. Не случайно вплоть до конца 1880-х гг. при описании Сибири в «Задуманном слове» часто использовалась номинация «страна», а не «окраина», «край», как в «Роднике».

Остановимся на том, как объяснялось детям значение слова «инородец». Самое развернутое его опреде-

ление встречаем в статье Н. Гвоздева о татарах Томской губернии. «Между многими народами, живущими у нас в России, повинующимися русскому царю и считающимися русскими подданными, есть и такие, которые не только совсем не знают русского языка, не исповедуют христианской веры, одеваются совсем не так, как русские, но и по внешности своей резко отличаются от своих русских братьев. Особенно много таких народов, которые живут в той части России, которая называется Сибирью. Все они издавна живут там, а потому их называют инородцами, то есть не русскими, и, хотя много лет прошло с тех пор, как эти народы стали русскими подданными, они все еще по большей части не говорят совсем по-русски, объясняются на своих родных языках, исповедуют свою особую веру, одеваются в такие наряды, которых среди русских никогда ее встретишь, и дома свои устроят по-своему, совсем не так, как остальные народы, заселяющие Россию», – утверждал Гвоздев [12. С. 46–47].

Таким образом, «инородцы» – это «не русские» народы империи, которых «своими» делают подданство русскому царю и, соответственно, проживание на территории русского государства. В качестве основных критериев этнической принадлежности фигурировали язык, религия, антропологические признаки. В отдельных случаях в качестве синонима слову «инородцы» употреблялся термин «туземцы». О синонимичном содержательном наполнении последнего свидетельствует, к примеру, фрагмент описания сахалинских айнов: «Между Охотским и Японским морями, которые омывают дальние восточные берега России, находится остров Сахалин, тоже принадлежащий нашему отечеству. На острове этом, так же как и на соседних Курильских островах, живет племя айнов, внешностью, языком, верою, обычаями и одеждою резко отличающееся от нас, русских. Живут эти айны на Сахалине с давних, давних времен и поэтому их называют туземцами Сахалина» [13. С. 382–383].

Во многих статьях, помимо бытовых аспектов жизни того или иного народа, акцентировалось внимание на качествах, которые редакция стремилась воспитать у своих читателей. Например: «Тунгусы славятся по всей Сибири своею честностью. Если кто из них взял, например, что-нибудь в долг и назначил время платежа, то сдержит свое слово непоколебимо твердо» [14. С. 94–95]. Подобно «взрослым» собратьям – иллюстрированным еженедельникам «для семейного чтения», авторы публикаций «Задуманного слова» об «инородческом» населении Сибири, как правило, избегали негативных оценочных суждений и стремились «объективно» проинформировать своих читателей об их образе жизни, особенностях материальной и духовной культуры, подкрепляя тексты иллюстрациями. Можно даже утверждать, что романтизация «своих» туземцев, характерная для народнической и либеральной журналистики, порожденная феноменом «внутренней колонизации», описанным А. Эткинсом [15], была свойственна и для «За-

душевного слова». В качестве типичного в этом смысле приведем описание гольдов (нанайцев): «Гольды отличаются очень тихим, спокойным характером и честностью своих правил. Они замечательно искренни, радушны и гостеприимны» [16. С. 78–79].

Общим для «Родника» и «Задушевного слова» был интерес к детской повседневной культуре, воспитанию и образованию детей коренного населения региона. Для подтверждения можно привести ряд заметок в рубрике «Из современной жизни» в журнале «Родник», посвященных образованию и воспитанию детей у разных сибирских этносов. Так, автор заметки «Самоедская школа» делает особый упор на то, что дети, понимая свою оторванность от мира (в данном случае под «миром» явно понимается мир русской культуры), стараются впитывать те знания, которые дает им миссионер, являющийся не только священником, но и учителем самоедских детей [17. С. 85]. Авторы «Задушевного слова» также описывали особенности воспитания детей у аборигенных народов Сибири, предметы детского быта. Для иллюстрации последнего приведем один из многих аналогичных текстов: «Чем севернее, тем вид люльки все дальше и больше изменяется. Так, в Сибири у некоторых племен мы встречаем люльку и без полозьев, и даже не подвешенную к потолку. Такая сибирская люлька – это предмет, представляющий в одно время и мебель, и гнездо ребенку» [18. С. 293]. Примечательно, что даже если дети в тексте статьи не упоминались, то читатели могли увидеть их на рисунках и фотографиях, репрезентировавших представления редакции о том, как должны выглядеть дети «наших инородцев» [19. С. 30–31].

К середине 1890-х гг. образ региона как территории с экзотичной природой, населенной загадочными туземными народами, в «Задушевном слове» постепенно вытесняется представлениями о Сибири как одной из многих отдаленных провинций Российской империи. Упоминания о торжественных вечерах, посвященных юбилеям русских писателей, соседствовали с заметками о пожарах и землетрясениях, а местный колорит задавали лишь упоминания о диких животных, забредавших то на железную дорогу, то в населенные пункты [20. С. 210; 21. С. 74–75; 22. С. 2 и др.].

Репрезентация сибирских губерний как «своей» имперской периферии обуславливала выбор точки отсчета местной истории, которая начиналась с Ермака и времени вхождения зауральских территорий в состав русского государства. Примечательно, что серия очерков по отечественной истории С.Ф. Литвинцева, объединенных названием «Родная старина», начиналась рассказом о покорении Сибири и гибели Ермака. Заметим, что риторика «покорения» Сибири (а не «присоединения», «вхождения») была доминирующим языком описания процесса включения Сибири в состав империи, характерным для иллюстрированных еженедельников, рассчитанных как на взрослую, так и на детскую аудиторию. Любопытно авторское обоснование необходимости

изучения истории своей страны: «Любить родную землю, любить народ, который живет на этой земле, обязан каждый – ребенок он или взрослый. Но только тот может истинно и искренне полюбить свою родину, кто ознакомился с ее минувшею судьбою, кто знает ее радости и невзгоды в прошлом, кто знает, какие были в ней цари, герои и полезные труженики, каковы были подвиги первых и деяния последних» [23. С. 1].

Публикации о Ермаке были хронологически первыми в числе текстов и иллюстраций, посвященных «замечательным людям» Сибири, биографии которых могли выполнять дидактические функции для юных читателей. В этот список «героев» вошли: «писатель, трудившийся на пользу юношества» С.В. Максимов; поэт П.П. Ершов; амурский казак Александр Кобызов, убивший двух тигров; писатель Г.А. Мачтет; путешественник С. Дежнев; героически погибший во время событий Русско-японской войны студент Томского университета Павел Прудников; бурят-изобретатель Г. Митруев из Иркутской губернии; учительница церковно-приходской школы г. Канска Енисейской губернии. Александра Косова; благотворитель П.И. Макушин; крестьянин-изобретатель Михаил Попов из д. Ключи Иркутской губернии; митрополит Тобольский И. Максимович. Важно, что в этом перечне соседствовали первооткрыватели Сибири, ее исследователи, крестьяне, учителя, литераторы, люди, совершившие героический поступок в экстремальных ситуациях «войны и мира», священнослужители, «урожденные» сибиряки и те, кто в силу разных обстоятельств оказался в Азиатской России.

Воспитательный потенциал текстов о «лучших людях» Сибири наиболее наглядно воплотился в биографическом очерке С.Ф. Либровича о Г.Н. Потанине. Номинация Потанина как путешественника по Монголии, вынесенная в название статьи Либровича, не случайна для «Задушевного слова». Рассказы о путешествиях, в том числе и по Сибири, были одним из самых популярных жанров в детской периодике. Романтика дальних странствий, идея научного освоения имперских окраин актуализировала образ региона как места, где есть еще «неизведанные земли», где могут исполниться мечты об открытиях и куда устремляются отважные путешественники со всего мира. Причем как взрослые, так и дети. В интерпретации Либровича Потанин – это юноша, добившийся воплощения своей мечты о дальних странствиях, несмотря на многочисленные преграды. «В 50-х гг. прошлого столетия в число воспитанников кадетского корпуса был принят десятилетний Гриша Потанин, сын сибирского казака-офицера, уроженец Ямышевской станицы. Мальчик с первых же дней пребывания в корпусе только и мечтал о путешествиях в малоизвестные неисследованные углы Сибири и в Китай», – читаем о лидере областнического движения [24. С. 490]. В числе личностных характеристик, позволивших Потанину стать известным ученым и путешественником, упоминались целеустремленность, любовь к родине и желание учиться. Ценность последнего особенно подчеркивалась авторами «Задушевного слова», в том числе и в текстах о Сибири.

Журнал помещал на своих страницах заметки о детях, которые стремились получить образование. К примеру, редакция рассказывала о сыне крестьянина из Верхнеудинска Иркутской губернии, бежавшем в губернский город для того, чтобы попасть в городское училище. Деньги на обучение и пропитание («хлеб и квас») он заработал сам, нанимаясь дворником, кучером, помогая на постоялом дворе [25. С. 6].

Круг авторов «Задуманного слова» способствовал популяризации образа Сибири у юных читателей не только своими публикациями на страницах журнала, но и благодаря созданию художественных текстов о регионе, вышедших отдельными изданиями. Так, огромной популярностью у гимназистов начала XX столетия пользовалась повесть известной писательницы, кумира дореволюционных подростков Л.А. Чарской «Сибирочка». О популярности этой повести свидетельствуют многочисленные письма читателей и анкеты «Задуманного слова» [26. С. 3 и др.].

В годы Русско-японской и Первой мировой войн на страницах «Задуманного слова» появлялись заметки о героизме сибиряков и жителей Дальнего Востока на полях сражений, о помощи юных сибиряков фронту [27. С. 2 и др.]. Осенью 1917 г., после перевода царской семьи в Тобольск, журнал обращается к истории города, его достопримечательностям, называя его «сибирским захолустьем» [28. С. 2–3 и др.]. Рефреном последних публикаций журнала становится мысль о том, что «родина гибнет», народ переживает время ужасных бедствий, надежды на долгожданную свободу не оправдались [29. С. 1–2]. Одним из показателей этой символической смерти государства и являлась сибирская ссылка бывшего императора и его семьи.

Итак, в результате сравнения образа Сибири в «Роднике» и «Задуманном слове» мы пришли к следующим выводам. Рассчитанный на старших школьников ежемесячный журнал «Родник» с самых первых

номеров позиционировал Сибирь как одну из многих окраин «нашего отечества», имеющую больше сходства, чем отличий от «внутренней России». Регион был представлен в информационном поле журнала в 1880–1900-е гг. и во время Русско-японской войны, ему посвящались научно-популярные очерки, путевые заметки, информационные сообщения в разделе «Современная жизнь». Еженедельное «Задуманное слово» же в отделах, ориентированных на средних и старших школьников, со второй половины 1880-х гг. и до закрытия журнала в 1918 г. постоянно обращалось к различным сюжетам сибирской жизни. Разножанровые тексты и иллюстрации журнала позволяют проследить эволюцию образа региона на его страницах: от экзотической и малоизвестной детям «далекой страны» к «нашей окраине», ведущей свою историю с походов героического Ермака и присоединения к русскому государству, населенной самобытными, но «нашими» народами – поданными русского царя, а также «героями нашего времени» – чем-либо выдающимися сибиряками.

Общим для образа Сибири в детских журналах было доминирование дидактической, патриотической и информационной функций над контролирующей, развлекательной и др. Тексты, посвященные региону, по представлению авторов привлеченных изданий, должны были воспитывать любовь к «нашей огромной отчизне», населенной разными народами, исповедовавшими разные религии и имевшими отличный образ жизни, но объединявшимися по признаку подданства русскому царю. Учитывая возрастную специфику «своего читателя», детские периодические издания помещали на своих страницах именно то, что, по представлениям их авторов, будет интересно школьникам, – рассказы о путешествиях и исследовательских экспедициях, героических людях и событиях, о воспитании детей у коренных народов, об их играх и игрушках.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Веселые человечки* : Культурные герои советского детства : сб. статей. М. : Новое литературное обозрение, 2008. 544 с.
2. *Убить Чарскую*. Парадоксы советской литературы для детей (1920-е – 1930-е гг.) : сб. статей. М. : Алетейя, 2013. 364 с.
3. *Родицина Н.Н.* Письма сибиряков в журнал «Задуманное слово» как источник для изучения истории детства второй половины XIX века // Новые исследовательские подходы в работе с историческими источниками XVIII–XXI вв. Новосибирск : НГПУ, 2013. С. 64–84.
4. *От издателя* // Задуманное слово. 1897. № 12.
5. *От редакции* // Родник. 1882. № 1.
6. *Родицина Н.Н.* «Другая Россия» : образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в. Новосибирск : НГПУ, 2006. 343 с.
7. *Сорокин В.* Наше житье. Губернии // Родник. 1882. № 8.
8. *Осипов А.В.* Сибирь. Путевые наброски от Москвы до Иркутска // Родник. 1899. № 1.
9. *Похороны Тургенева* // Родник. 1883. № 10.
10. *Носилов К.* Детские сельские приюты // Родник. 1900. № 4.
11. *Соболь* // Задуманное слово. 1877. № 2.
12. *Гвоздев Н.* Как живут черные татары // Задуманное слово. 1886. № 3.
13. *Айны* // Задуманное слово. 1888. № 24.
14. *Сибирские татары* // Задуманное слово. 1887. № 2.
15. *Эткинд А.* Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М. : Новое литературное обозрение, 2013. 448 с.
16. *Гольды* // Задуманное слово. 1888. № 5.
17. *Самоедская школа* // Родник. 1900. № 1.
18. *Теплов И.* Сибирская люлька // Задуманное слово. 1886. № 14.
19. *Тунгусы* // Задуманное слово. 1888. № 32.
20. *Из записной книжки редакции* // Задуманное слово. 1899. № 13.
21. *О праздновании юбилеев Гоголя и Жуковского* // Задуманное слово. 1902. № 19.
22. *Тигры в России* // Задуманное слово. 1910. № 17.

23. Литвинцев С.Ф. Родная старина. Рассказы из истории России // Задусhevное слово. 1894. № 1.
24. Русаков В. [Либрович С. Ф.] Русский исследователь Монголии // Задусhevное слово. 1915. № 31.
25. Из записной книжки редакции // Задусhevное слово. 1903. № 2.
26. Койка гимназисток // Задусhevное слово. 1916. № 27.
27. Из истории Тобольска // Задусhevное слово. 1917. № 48.
28. Вопросный листок // Задусhevное слово. 1917. № 27–28.
29. Родина гибнет // Задусhevное слово. 1917. № 52.

Rodigina Nataliya N. Tobolsk complex scientific station UB RAS (Tobolsk, Russian Federation), Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation), Senior Researcher. E-mail: natrodigina@list.ru; Mitrofanova Kseniya N. Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: sifero00@yandex.ru

«SUDDENLY IT HAS DRAWN NEARER TO US»: THE IMAGE OF SIBERIA IN THE CHILDREN MAGAZINES OF THE LATE 19th – EARLY 20th CENTURIES

Keywords: representation of Siberia; children's periodicals; history of journalism.

This article aims to reveal the image of Siberia in the magazines for children in the late 19th – early 20th centuries. We consider the children magazines as a tool of formation of the national identity, one of the sources of the construction of individual and collective ideas about Russian empire and its regions. The article draws upon the popular children magazines, such as “Zadushevnoe slovo” (1876–1917), a weekly illustrated magazine, and “Rodnik” (1882–1917), a monthly magazine. In this article we pay a special attention to the questions of author, audience, context, genre, and content of publications about the Siberian region and its population. We found out and analyzed all articles, notes, letters, illustrations of Siberia, but also all kinds of texts where “Siberia” was mentioned, as well as cities, towns, villages, and the people of the region. We aim to find out who wrote about Siberia, their reasons, and recognize what genres they used to describe Siberia, what topics the editors of the magazines were interested in to publish. We compare the representations of Siberia in the children magazines with the representations of region, which were constructed by the magazines and journals for different audiences. We can conclude that the children magazines began to tell stories about Siberia since the first volumes. However, if “Zadushevnoe slovo” paid attention to the topic of Siberia until the late 1880-s just occasionally, publishing only brief notes or illustrations of the Siberian aborigines, animals, and plants, on the contrast, “Rodnik” published long essays and travelogues. It can be explained by the different format of the magazines, the first one was a weekly magazine, aiming to entertain readers, publishing the very short-life information; the second one was a monthly magazine, publishing novels, articles, travelogues, essays for long and careful reading. The most popular themes included the geographical description of the Siberian region, its climate, the architecture and urban everyday life, and the cultural traditions of the Siberian people. The authors of “Rodnik” (V. Sorokin, A. Osipov) emphasized the common traits of the European Russia and Siberia, though they acknowledged some specific of Siberia as a place of hard labor and exile. On the contrary, the authors of “Zadushevnoe slovo” mostly described the specific of the region, focusing on the wild nature and the exotic culture of the Siberian people. This way of representations of Siberia was quite typical for other popular Russian magazines (“Niva”, “Rodina”) at that time.

REFERENCES

1. Kukulin, I., Lipovetskiy, M.N. & Mayofis, M.L. (eds) (2008) *Veselye chelovechki : Kul'turnye geroi sovetskogo detstva* [Merry Men: Cultural Heroes of the Soviet Childhood]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
2. Balina, M. & V'yugin, V. (eds) (2013) *Ubit' Charskuyu. Paradoksy sovetskoy literatury dlya detey (1920-e – 1930-e gg.)* [To Kill Charskaya: Paradoxes of Soviet Children's Literature (1920 – 1930)]. Moscow: Aletеyаа.
3. Rodigina, N.N. Pis'ma sibir'yakov v zhurnal “Zadushevnoe slovo” kak istochnik dlya izucheniya istorii detstva vtoroy poloviny XIX veka [Letters of Siberians in the magazine “Sincere Word” as a source for studying the history of childhood in the late 19th century]. In: Zverev, V.A. & Rodigina, N.N. (eds) *Novye issledovatel'skie podkhody v rabote s istoricheskimi istochnikami XVIII–XXI vv.* [New Approaches to Historical Sources of the 18th – 21st centuries]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. pp. 64–84.
4. Anon. (1897) Ot izdatel'ya [From the Publisher]. *Zadushevnoe slovo*. 12.
5. Anon. (1882) Ot redaktsii [Editorial]. *Rodnik*. 1.
6. Rodigina, N.N. (2006) “Drugaya Rossiya”: obraz Sibiri v russkoy zhurnal'noy presse vtoroy poloviny XIX – nachale XX v. [“Another Russia”: the image of Siberia in the Russian journals of the late 19th – early 20th centuries]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
7. Sorokin, V. (1882) Nashe zhit'e. Gubernii [Our life. Provinces]. *Rodnik*. 8.
8. Osipov, A.V. (1899) *Sibir'. Putevye nabroski ot Moskvy do Irkutsk* [Siberia. Travel sketches from Moscow to Irkutsk]. *Rodnik*. 1.
9. Anon. (1883) *Pokhorony Turgeneva* [Turgenev's funeral]. *Rodnik*. 10.
10. Nosilov, K. (1900) Detskie sel'skie priyuty [Children's rural orphanages]. *Rodnik*. 4.
11. Anon. (1877) Sobol' [The Sable]. *Zadushevnoe slovo*. 2.
12. Gvozdev, N. (1886) Kak zhivut chernye tatyary [On the life of Tubalars]. *Zadushevnoe slovo*. 3.
13. Anon. (1888) Ayny [The Ainu]. *Zadushevnoe slovo*. 24.
14. Anon. (1887) Sibirskie tatyary [Siberian Tatars]. *Zadushevnoe slovo*. 2.
15. Etkind, A. (2013) *Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskiy opyt Rossii* [Internal Colonization. The Imperial Experience of Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
16. Anon. (1888a) Gol'dy [The Golds]. *Zadushevnoe slovo*. 5.
17. Anon. (1900) Samoed'skaya shkola [The Samoyed school]. *Rodnik*. 1.
18. Teplov, I. (1886) Sibirskaya lyul'ka [The Siberian cradle]. *Zadushevnoe slovo*. 14.
19. Anon. (1888b) Tungusy [Tunguses]. *Zadushevnoe slovo*. 32.
20. Anon. (1899) Iz zapisnoy knizhki redaktsii [Form the Editor's notebook]. *Zadushevnoe slovo*. 13.
21. Anon. (1902) O prazdnovanii yubileev Gogolya i Zhukovskogo [On the celebration of Gogol's and Zhukovsky's anniversaries]. *Zadushevnoe slovo*. 19.
22. Anon. (1910) Tigry v Rossii [Tigers in Russia]. *Zadushevnoe slovo*. 17.
23. Litvintsev, S.F. (1894) Rodnaya starina. Rasskazy iz istorii Rossii [Our History. Stories of Russian history]. *Zadushevnoe slovo*. 1.
24. Rusakov, V. [Librovich S.F.] (1915) Russkiy issledovatel' Mongolii [A Russian explorer of Mongolia]. *Zadushevnoe slovo*. 31.
25. Anon. (1903) Iz zapisnoy knizhki redaktsii [Form the Editor's notebook]. *Zadushevnoe slovo*. 2.
26. Anon. (1916) Koyka gimnazistok [The Schoolgirls' bunk]. *Zadushevnoe slovo*. 27.
27. Anon. (1917) Iz istorii Tobol'ska [From the history of Tobolsk]. *Zadushevnoe slovo*. 48.
28. Anon. (1917a) Voprosnyy listok [A Questionnaire]. *Zadushevnoe slovo*. 27–28.
29. Anon. (1917) Rodina gibnet [The homeland is dying]. *Zadushevnoe slovo*. 52.